

Научная статья
УДК 930.1(430+470)
doi: 10.17223/15617793/516/14

Немецкий историзм как историко-культурный феномен в современной российской историографии

Олег Эдуардович Терехов¹, Оксана Николаевна Терехова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ terehov1968@mail.ru

² oksanan1970@mail.ru

Аннотация. Рассматривается немецкий историзм как историко-культурный феномен в оценке современной российской историографии. На примере новейших отечественных исследований выявляются основные тенденции и подходы российских авторов к проблемам изучения различных аспектов немецкого историзма как историко-культурного феномена немецкой и европейской культуры и гуманитарной мысли. Делается вывод о том, что современная российская историография не только продолжает традиции предшествующих периодов (русско-имперского и советского) в изучения немецкого историзма, но и значительно расширила проблемное поле его исследования, анализируя его в широком историко-культурном контексте как европейский феномен.

Ключевые слова: немецкий историзм, философия истории, романтизм, гегельянство

Для цитирования: Терехов О.Э., Терехова О.Н. Немецкий историзм как историко-культурный феномен в современной российской историографии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 114–118. doi: 10.17223/15617793/516/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/14

German historicism as a historical and cultural phenomenon in contemporary Russian historiography

Oleg E. Terekhov¹, Oksana N. Terekhova²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ terehov1968@mail.ru

² oksanan1970@mail.ru

Abstract. The issues of German historicism have long been a central focus of Russian humanities scholarship. This interest is driven not only by the enduring significance of the contributions made by representatives of German historicism to the formation of the image of historical science, its theoretical and methodological foundations, and their direct scholarly research, but also by the epistemological possibilities that have opened up for Russian humanities. The collapse of the Soviet-Marxist paradigm of historical research opened new horizons for historians to study the problems of German historicism. The aim of the article is to examine the current state of research on German historicism in Russian humanities thought. The main objective is to analyze the assessments by Russian scholars of German historicism as a historical and cultural phenomenon that defined the spirit of its time. To represent this objective, we have utilized the most recent works by Russian historians and philosophers, which, in the case of German historicism, corresponds to its interdisciplinary nature. The comparative-historical method is used as the research method, allowing for a comparative analysis of the latest works by Russian scholars dedicated to German historicism. German historicism was a form of a distinct worldview, theoretical-methodological, and political condition of German humanities thought. It viewed history from a specific angle, as the existence of autonomous, individual, unique phenomena that differ in their methods of cognition from natural entities and possess a dialectical development. Russian scholars have repeatedly emphasized this fact. Another important aspect of German historicism, noted by contemporary Russian researchers, is its significant role in the formation and development of European historical thought and the philosophy of history. Contemporary Russian humanities thought also acknowledges the leading role of German historicism in the process of establishing the principle of historicity in European culture. Therefore, the problem of the formation and development of German historicism as a German and European historical-cultural phenomenon is central in contemporary national historiography dedicated to historicism. Based on an analysis of the most recent national scientific literature, it is concluded that contemporary Russian historiography not only continues the traditions of previous periods (Imperial Russian and Soviet) in the study of German historicism but has also significantly expanded the range of issues in its research, analyzing it within a broad historical-cultural context as a European phenomenon.

Keywords: German historicism, philosophy of history, romanticism, Hegelianism

For citation: Terekhov, O.E. & Terekhova, O.N. (2025) German historicism as a historical and cultural phenomenon in contemporary Russian historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 114–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/14

Изучение проблем немецкого историзма как феномена немецкой гуманитарной мысли XIX в. – первой половины XX в. имеет давнюю традицию в отечественной исследовательской литературе. В этой связи необходимо вспомнить философов В.Ф. Асмуса, И.С. Кона, А.В. Гулыги и др., а также историков А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого (в данном случае следует отметить как его самого, так и работы томской историографической школы, которая уделяла много внимания исследованию различных аспектов немецкого историзма), Н.И. Смоленского и ряд других. В современной российской гуманитарной мысли интерес к немецкому историзму как явлению историко-культурного характера германской духовной и научной жизни продолжает сохраняться, что свидетельствует об актуальности обозначенной проблематики.

Данный интерес обусловлен не только непреходящим значением вклада представителей немецкого историзма в формирование образа исторической науки, ее теоретико-методологических оснований и их непосредственными научными исследованиями, но и открывшимися эпистемологическими возможностями российской гуманитарной науки. Крах советского марксистского историзма вызвал к жизни дискуссию о теоретико-методологических принципах гуманитарного познания, в контексте которой немецкий историзм, как и в целом феномен историзма, становится одним из ее главных переменных. Однако в отличие от советской гуманитарной традиции, рассматривавшей в основном немецкий историзм в узких рамках «буржуазного историзма», современная российская гуманитарная мысль получила возможность раскрыть его во всей познавательной полноте и без оглядки на какую-либо идеологическую заданность.

Авторы статьи уже обращались к теме немецкого историзма, кратко давая характеристику его мировоззренческой, теоретико-методологической, социокультурной сущности [1]. Основная цель предлагаемой статьи – показать современное состояние исследований немецкого историзма в российской гуманитарной мысли. При этом авторы не претендуют на исчерпывающий анализ феномена немецкого историзма в современной российской историографии. В нашу задачу входит рассмотрение оценки российскими исследователями немецкого историзма как историко-культурного феномена, определившего дух своего времени. Для репрезентации данной задачи мы использовали новейшие работы российских историков и философов, что в случае немецкого историзма соответствует его междисциплинарному характеру. В качестве метода исследования используется сравнительно-исторический метод, который позволяет провести сравнительный анализ новейших трудов российских исследователей, посвященных немецкому историзму.

Известные российские методологи исторического и гуманитарного познания И.М. Савельева и А.В. Полетаев считают историзм порождением распространения причинно-следственного подхода к социально-гуманитарной сфере познания [2. С. 280]. Но при этом отмечают, что принцип историзма стал «настоящим прорывом в историческом знании» [2. С. 280], который

объединил большинство исторических школ XIX столетия. Отдавая решающую роль в формировании историзма эпохе романтизма, авторы особо подчеркивают его роль в формировании немецкой романтической школы. Она, по их мнению, с которым нельзя не согласиться, заложила основы сравнительно-исторического метода в гуманитарных науках. Немецкая историко-филологическая школа, немецкая «историческая школа права», немецкая историческая школа в политэкономии – все эти направления в германской гуманитарной мысли XIX в. сформировали принцип историзма и стали ярким историко-культурным феноменом своего времени не только немецкой, но и в европейской гуманитарной традиции. Савельева и Полетаев также выделяют роль германской гуманитарной науки в философском обосновании историзма.

Как известно, историзм не прошел мимо и германской философии. Именно мировоззренческим и философским аспектам немецкого историзма посвящено диссертационное исследование Д.П. Давыдова [3]. Автор очерчивает рамки немецкого историзма поиском индивидуального в культурно-исторической реальности и противопоставляет его другому влиятельному направлению немецкой интеллектуальной мысли – эссенциально-холистическому подходу к рассмотрению истории, который он характеризует как гегельянско-марксистскую традицию, а также как идейное наследие эпохи Просвещения [3. С. 10–11]. В данном отношении Давыдов объединяет историографическую, философскую, филологическую, экономическую и правовую линии возникновения и развития историзма, справедливо полагая, что в германской интеллектуальной истории, в контексте историзма, эти линии неразрывно связаны друг с другом, так как каждая отрасль гуманитарного знания внесла вклад в его становление. Отталкиваясь от определения историзма, данное Ф. Майнеке, Давыдов определяет его историко-культурное значение как «стремление изучать индивидуальное в его развитии и являет собою противоположность естественно-правовому подходу с его попыткой обнаружить всеобщую основу человеческих поступков в универсальной человеческой природе» [3. С. 12].

В центре диссертационного исследования В.В. Феллера стоит генезис немецкого идеалистического историзма «в немецкой философии истории рубежа XIX и XX вв.» [4. С. 6]. Феллер выделяет в немецком идеалистическом историзме две формы его развития, последовательно менявших друг друга: «романтический» и «критический» историзм. Эта ситуация возникла, согласно автору, в силу того, что немецкий историзм со временем сфокусировался на проблемах «свертывания метафизической и онтологической установок исторического самосознания» [4. С. 8], в форме так называемого критического историзма в терминологии автора. Таким образом, немецкий историзм, по мнению Феллера, не является единым историко-культурным феноменом германской гуманитарной мысли, а состоит из ряда интеллектуальных направлений, характерными чертами которых стало обоснование в эпоху модерна наличия существования «исторического разума» и описание его в метафизических, онтологических, гносеологических и логических категориях. Сам автор, как сказано выше, по меньшей мере определяет два таких направления.

В докторской диссертации О.В. Самылова рассмотрены становление принципа историзма и основные концепции историзма в европейской философии истории XVIII–XX вв. [5]. Характеризуя историзм как общеевропейское явление, Самылов особо подчеркивает роль немецкой гуманитарной традиции в его становлении. Принцип историзма формируется в немецком Просвещении и романтизме. В Германии также возникают наиболее известные концепции классического (гегельянство и марксизм) и постклассического (философия жизни, экзистенциализм, концепция замкнутых культурно-исторических типов) историзма.

В.Л. Махлин анализирует историзм в историко-культурном контексте, делая акцент на его универсализм и тотальный характер в гуманитарной сфере духа [6]. Как историко-культурный феномен историзм возник из «продуктивного конфликта трех основных философско-эстетических и литературно-критических тенденций последней трети XVIII в. – классицизма, романтизма и идеализма...» [6. С. 6]. Это привело к процессу историзации всего горизонта бытия человека: культуры, науки, языка и т.д. И хотя Махлин говорит об общеевропейском значении историзма, он подчеркивает важнейшую роль германской гуманитарной традиции в его становлении и развитии, чему способствовала «духовная революция» в Германии 1790-х гг., заложившая основы нового метода гуманитарного познания и гуманитарных наук в целом [6. С. 11].

И.В. Дёмин, опираясь на определение историзма, данное в свое время Э. Трёльчем, полагает, что принцип историзма имеет большие разночтения в трактовке его значения сущности. Автор выделяет три ракурса рассмотрения принципа историзма: мировоззренческий, онтологический и методологический [7. С. 114]. Все они тесно связаны друг с другом. Для философии истории, по мнению Дёмина, принцип историзма имеет конституирующее значение, «однако в различных версиях философии истории принцип историзма получает различные и даже несовместимые друг с другом интерпретации» [7. С. 114]. В случае немецкого историзма он выделяет следующие направления: романтический историзм, гегелевский историзм, марксистский историзм (исторический материализм), историзм в философии жизни Дильтея, а также варианты историзма в германской гуманитарной мысли XX столетия: герменевтический историзм Гадамера и неисторизм Люббе.

Говоря об изучении феномена немецкого историзма в современном российском философском дискурсе, нельзя не упомянуть работы еще двух философов, посвященных данной проблеме: немецкого философа Андреаса Буллера, активно печатающегося в российской научной периодике [8], и статью одного из ведущих отечественных специалистов по истории западной философии и вопросам гуманитарного познания А.М. Руткевича [9]. Работа Буллера посвящена сравнительному анализу концепции историзма известного советского историка и методолога истории М.А. Барга и пониманию принципа историзма в германской историографии. Автор, касаясь оценки немецкого историзма, отмечает его сложный, противоречивый характер, который «являлся довольно многообразным феноменом, проявляющим себя в самых различных

вариативных формах» [8. С. 91]. Собственно как историко-культурное явление немецкий историзм, по мнению Буллера, это эпоха, длившаяся от начала XIX в. и до середины XX столетия. При этом основные теоретико-методологические основы немецкого историзма, берущие свое начало от Л. Ранке, настолько укоренились в германской гуманитарной мысли, что, согласно автору, ни марксизм, ни социальная и экономическая история, ни фундаментальные социокультурные изменения первой половины XX в. не смогли вплоть до 1960-х гг. поколебать его авторитета как научного метода и образа мышления [8. С. 94].

Руткевич выделяет два уровня понимания принципа историзма. В широком смысле – как общенаучного принципа рассмотрения явлений в их исторической обусловленности. И в узком смысле – как направление в исторической науке, возникшее под влиянием немецкого романтизма и гегельянства. Именно во втором смысле, по мнению Руткевича, историзм и есть тот историко-культурный феномен, вокруг которого уже не одно десятилетие и ведутся научные споры. Автор отмечает, что историзм «никогда не был какой-то догматической, “школьной» доктриной» [9. С. 26]. В данном случае историзм, в том числе и немецкий, не обладал теоретико-методологическим единством и всегда был конгломератом учений, которые связывала некая общая установка в понимании принципов гуманитарного познания. Руткевич отдает должное как европейской научной мысли в развитии историзма, так и германской социокультурной традиции в происхождении историзма. «Иначе говоря, историзм был плодом усилий философствующих историков (Дройзен, Трёльч, Мейнеке) и занятых историей мысли философов (Дильтей, Виндельбанд, Коллингвуд, Кроче, Ортега и др.)» – пишет он [9. С. 27]. Руткевич также констатирует, что классического историзма как направления в исторической науке больше не существует, ибо он являлся плодом своего времени и с его завершением закончилось и само направление. Но Руткевич делает важный вывод о присутствии историзма в современном гуманитарном познании, он иллюстрирует его на примере исторической науки. Историзм сделал главное для науки: сформировал принцип историчности мышления. В частности, историк, по мнению Руткевича, априори воспринимает этот принцип и в отличие от философа не впадает в дискуссию относительно его правомочности.

Этот вывод Руткевича хорошо демонстрирует оценку немецкого историзма в современной российской историографии. Н.В. Ростиславлева справедливо характеризует XIX столетие веком расцвета исторического знания, и первое место в этом процессе занимала немецкая историческая наука, которая благодаря уникальному сочетанию методики исследования и связи с философией сумела сформировать принцип историзма [10. С. 244]. Однако Ростиславлева в своем анализе развития исторического знания в XIX столетии не пытается объяснить генезис немецкого историзма, рассматривая его как нечто изначально данное историкам. Да, она упоминает о том, что на историческое знание в Германии повлияли традиции рационализма эпохи Просвещения, немецкой классической философии, но в целом историзм предстает у нее как

само собой разумеющийся метод, который использовали различные историографические школы. Исходя из такой исследовательской позиции, Ростиславлева объединяет под маркой историзма трудно совместимые друг с другом исторические школы: Гейдельбергскую, школу Ранке, позитивизм Карла Лампрехта.

В современной российской гуманитарной мысли продолжает сохраняться интерес к творческому наследию патриарха немецкой исторической науки Леопольда фон Ранке [11]. Этот интерес присутствует и в последних публикациях, посвященных немецкому историзму, о которых идет речь в данной статье. Помимо вышеупомянутых работ, непосредственно рассмотрению наследия Ранке посвящены статья историка М.А. Юсима [12] и первая монография в отечественной историографии о Ранке историков В.Л. Черноперова и С.М. Усманова [13]. Все исследователи отмечают прежде всего его вклад в становление немецкого историзма. Юсим, отталкиваясь от известного постулата Ранке «писать историю как это было на самом деле», утверждает, что в этом тезисе он сформулировал важнейшую проблему исторического познания: соотношения частного и общего в истории [12. С. 175]. По мнению Юсима, «Ранке в своей исторической работе как будто бы хотел уточнить детали известных событий, отставив в сторону приговоры и поучения или намеренно отказавшись от них» [12. С. 175]. Такой подход вкуче с индивидуализацией исторических событий стал основой историзма, приоритет разработки которого, несомненно, принадлежит Ранке и его школе. Классический историзм, по мысли Юсима, построен на убеждении, что историк в сочетании технических методов (методологии работы с источниками) и интуиции может постичь смысл исторического бытия. Юсим также не согласен с теми, кто сводит историзм Ранке к простому позитивистскому фактолизму.

В монографии Черноперова и Усманова подробно проанализированы не только вехи биографии Ранке, но и главные принципы его научного метода и проблематика научных работ. Вкладу Ранке в развитие принципа историзма посвящен отдельный параграф. Авторы опровергают устоявшуюся точку зрения на то, что методология Ранке, принципы его историзма не были обусловлены влиянием философских концепций. В идее Ранке о доступности смысла истории только Богу, Черноперов и Усманов усматривают лишь формальную сторону его отношения к значению исторического знания. На самом деле своими работами Ранке убедительно доказал, что история это наука не только о прошлом, но и о современности [13. С. 190], постичь смысл которой без философии невозможно. Как пишут авторы, «именно за Л. фон Ранке закрепился образ подлинного разрушителя пренебрежительных взглядов философов на работу историков и их возможностей постижения прошлого и настоящего мира» [13. С. 193]. Такая позиция позволила Ранке, по мнению авторов, сыграть ведущую роль в становлении принципа историзма, который понимался им как выявление и верификация фактов всемирной истории в их связи друг с другом и соединении их в единый исторический процесс [13. С. 195]. История – это синтез частного и общего. Общее постичь очень сложно, если вообще возможно. В этой установке кроется скептическое отноше-

ние Ранке к глобальным философско-историческим схемам, например гегелевской. Он, по утверждению Черноперова и Усманова, не был против философии в целом, а выступал против спекулятивного использования истории для нужд философии. «Леопольд фон Ранке, освобождая своей критикой и трудами историю от пут гегелевской философской систематизации, способствовал институционализации историографии как строгой эмпирической дисциплины...» – констатируют они [13. С. 203].

Квинтэссенцией рассмотрения проблемы немецкого историзма в современной российской гуманитарной мысли последних лет можно считать статью историка Ю.Е. Арнаутовой [14]. Она синтезировала в единую линию интеллектуального развития все аспекты, связанные с немецким историзмом: понятие, сам феномен и его проблемы, кризис историзма. Основу исследовательского подхода Арнаутовой составляет вполне оправданная, на наш взгляд, установка на историзацию «самого понятия историзм и его производных» [14. С. 86]. Согласно Арнаутовой, историзм с этой точки зрения являлся производным осознания европейским человеком историчности своего жизненного мира и культуры и возникновения исторического метода познания, становления истории как науки. Феномен историзма возник в культуре Европы в конце XVIII в. Большую роль в его формировании сыграла немецкая гуманитарная мысль, которая постоянно рефлексировала над ним. Поэтому его содержание и значение имеют ряд трактовок, не всегда совпадающих между собой, что, собственно, и вызвало дискуссию вокруг феномена и его производных. При всех различиях в подходах к определению и пониманию историзма, согласно Арнаутовой, несомненно, одно: именно с его возникновением мы можем говорить о создании науки истории [14. С. 90]. «Вся историческая наука XIX в. развивалась под знаком историзма» – пишет она [14. С. 93].

Однако за торжеством историзма как метода научного познания крылась и его основная проблема, которую Арнаутова обозначает как эпистемологический и ценностный релятивизм. Начинается знаменитый кризис историзма. Более того, картина однозначности, даже меняющегося мира, была поколеблена многозначностью его образа и наличием альтернативы выбора.

Мощный подъем германской духовной и гуманитарной культуры конца XIX столетия и вплоть до прихода национал-социалистов к власти Арнаутова частично связывает со спорами о «кризисе историзма» и с поиском средств и методов выхода из этого кризиса. И в этом смысле немецкий историзм и его воздействие на культуру, общество, идеологии и подобное является выдающимся не только немецким, но и европейским историко-культурным феноменом.

Современная российская гуманитарная мысль в исследовании немецкого историзма продолжает научные традиции российской дореволюционной и советской школ, которые неоднократно обращались к этой проблематике. Немецкий историзм рассматривается в их трудах в широком контексте историко-культурного феномена европейского уровня и значения, оказавшего большое влияние на становление и развитие «историчности сознания» как способа понимания и познания мира.

Список источников

1. Терехов О.Э., Терехова О.Н. Освальд Шпенглер и немецкий историзм // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 170–176. doi: 10.17223/15617793/450/21
2. Савельева И.М., Поletaев А.В. Теория исторического знания : учеб. пособие. СПб. : Алетеия. Историческая книга, 2007. 523 с.
3. Давыдов Д.П. Историзм как тип мировоззрения в немецкой философии середины 19-го – начала 20-го века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 20 с.
4. Феллер В.В. Понятие «историзм» в немецкой философии истории конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 22 с.
5. Самылов О.В. Судьба историзма в европейской философии XIX – XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 38 с.
6. Махлин В.Л. Историзм (к истории понятия) // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 5–24.
7. Дёмин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2016. 238 с.
8. Буллер А. Терминологический инструмент историка. Понятие «историзм» в исторической концепции М.А. Барга и немецкой историографии – сравнительный анализ // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. № 8. С. 82–104.
9. Руткевич А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24–36.
10. Ростиславлева Н.В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2 (10). С. 244–254.
11. Мягков Г.П. «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Ранке // Диалог со временем. 2001. № 6. С. 40–79.
12. Юсим М.А. Идея истории и формула Л. Фон Ранке // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. № 8. С. 172–185.
13. Черноперов В.Л., Усманов С.М. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2021. 364 с.
14. Арнаутова Ю.Е. «Историзм», «проблема историзма», «кризис историзма»: феномен историзма и понятие историзм в немецких науках о духе XIX – начала XX в. // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 4. С. 86–110.

References

1. Terekhov, O.E. & Terekhova, O.N. (2020) Oswald Spengler and German Historicism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 170–176. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/21
2. Saveleva, I.M. & Poletaev, A.V. (2007) *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of Historical Knowledge]. Saint Petersburg: Aleiteiya. Istoricheskaya kniga.
3. Davydov, D.P. (2009) *Istorizm kak tip mirovozzreniya v nemetskoj filosofii sere diny 19-go – nachala 20-go veka* [Historicism as a Type of Worldview in German Philosophy of the Mid-19th – Early 20th Century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
4. Feller, V.V. (2012) *Ponyatie "istorizm" v nemetskoj filosofii istorii konca XIX – nachala XX vv.* [The Concept of "Historicism" in the German Philosophy of History of the Late 19th – Early 20th Century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
5. Samylov, O.V. (2013) *Sudba istorizma v evropeyskoj filosofii XIX–XX vv.* [The Fate of Historicism in European Philosophy of the 19th–20th Centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
6. Makhlin, V.L. (2013) *Istorizm (k istorii ponyatiya)* [Historicism (On the History of the Concept)]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 33. pp. 5–24.
7. Demin, I.V. (2016) *Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii* [Metaphysics and Post-Metaphysical Thinking in the Mirror of Historiosophy]. Samara: Samarskaya humanitarnaya akademiya.
8. Buller, A. (2016) Terminologicheskii instrumentarii istorika. Ponyatie "istorizm" v istoricheskoy kontseptsii M.A. Barga i nemetskoj istoriografii – sravnitelnyy analiz [The Historian's Terminological Toolkit. The Concept of "Historicism" in the Historical Conception of M.A. Barg and in German Historiography – A Comparative Analysis]. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy almanakh*. 8. pp. 82–104.
9. Rutkevich, A.M. (2018) *Istorizm i ego kritiki* [Historicism and Its Critics]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 24–36.
10. Rostislavleva, N.V. (2017) *Istoricheskoe znanie v Germanii XIX veka: mezhdru filosofskimi vyzovami i istorizmom* [Historical Knowledge in 19th Century Germany: Between Philosophical Challenges and Historicism]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 4-2 (10). pp. 244–254.
11. Myagkov, G.P. (2001) "Nestor nemetskoj istoriografii" ili "kamerdiner istorii"? Istoriki Rossii v sporakh o Ranke ["The Nestor of German Historiography" or the "Valet of History"? Russian Historians in Debates about Ranke]. *Dialog so vremenem*. 6. pp. 40–79.
12. Yusim, M.A. (2016) *Ideya istorii i formula L. Fon Ranke* [The Idea of History and L. von Ranke's Formula]. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy almanakh*. 8. pp. 172–185.
13. Chernoperev, V.L. & Usmanov, S.M. (2021) *Leopold fon Ranke – zhizn i tvorcheskoe nasledie* [Leopold von Ranke – Life and Creative Legacy]. Ivanovo: Ivanovo State University.
14. Arnautova, Yu.E. (2019) "Istorizm", "problema istorizma", "krizis istorizma": fenomen istorizma i ponyatie istorizm v nemetskikh naukakh o dukhe XIX – nachala XX v. ["Historicism", "The Problem of Historicism", "The Crisis of Historicism": The Phenomenon of Historicism and the Concept of Historicism in the German Human Sciences of the 19th – Early 20th Centuries]. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 86–110.

Информация об авторах:

Терехов О.Э. – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: terekhov1968@mail.ru

Терехова О.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: oksanan1970@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.E. Terekhov, Dr. Sci. (History), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terekhov1968@mail.ru

O.N. Terekhova, Cand. Sci. (History), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oksanan1970@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 09.01.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.